

Пролог

ГОРОД ЭНСК

2001 год

По аллее кладбища в сторону выхода шла старуха, одетая в серый дождевик и серую шляпу. В руках она держала ведро с садовыми граблями и канистру из-под воды.

Перебирая глазами памятники, старуха заметила трехлетнюю девочку, сидевшую на скамье вблизи старинного склепа. Она замедлила шаг, пошарила глазами, но больше никого не увидела.

— Ты почему одна?

— Мама велела ждать ее здесь, — ответила девочка.

— Она где-то рядом?

Девочка повторила:

— Мама велела ждать ее здесь.

Старуха покачала головой и нерешительно огляделась, переступила с ноги на ногу, снова покачала головой и захромала дальше.

Обняв плюшевого медвежонка, девочка посмотрела вверх, там ветерок перебирал промокшие листья и стряхивал остатки дождя. Сквозь кроны деревьев едва проглядывало бледное осеннее небо.

Прошло больше часа. Девочка все так же сидела на скамейке у склепа, когда ее окликнул рабочий в кладбищенской спецовке:

— Ты что здесь делаешь?

Девочка повторила все ту же фразу:

— Мама велела ждать ее здесь.

— А где твоя мама? — Рабочий огляделся. — Кладбище уже закрывается.

— Мама велела ждать ее здесь, — твердо сказала девочка.

Рабочий потоптался на месте и вскоре ушел.

Часа через два стемнело и сильно похолодало, но девочка продолжала ждать на скамейке. Наконец в темноте между могильными памятниками засветлел женский силуэт.

Приблизившись к склепу, женщина протянула руку:

— Идем...

Девочка подняла глаза, прижала к себе медвежонка и с испугом спросила:

— А где моя мама?

ГЛАВА 1

ЛИЧНАЯ ПРОСЬБА

— Ну кто там еще? — Полковник Савельев поднял глаза, увидел Стерхову и разрешил: — Заходи!

Она вошла в кабинет и закрыла дверь.

— Вызывали?

— Да.

— Заявление подпишите.

Савельев забрал у нее документ и, не читая, спросил:

— В отпуск?

— Согласно утвержденному графику.

— Куда собралась?

— На Черноморское побережье.

— Апрель, вроде рано...

— Не люблю, когда на пляже много народа.

— В апреле там еще не купаются. — Савельев выдвинул ящик и швырнул в него заявление.

Проследив за ним взглядом, Анна удивленно спросила:

— Юрий Алексеевич, что вы делаете?

— Садись, есть разговор.

Она села, и Савельев, не поднимая глаз, продолжил:

— У меня к тебе дело.

— Ясно. — Стерхова обреченно кивнула. — Отпуск отменяется.

— Давай формулировать иначе: он переносится. Поедешь на море в мае, а еще лучше — летом.

— Но я собиралась закончить книгу. Два месяца не могу дописать.

— Ты прежде всего следователь и только потом — писатель.

— Не люблю это слово, оно ко многому обязывает. Автор детективных романов звучит скромнее, — проговорила она и спросила: — Что-нибудь случилось?

Полковник виновато кивнул:

— Сегодня едешь в Урутин.

— Впервые о нем слышу, — сказала Анна.

— Военный город с оборонными производствами. С недавнего времени сильно расстроился. И, кстати, Урутин — моя родина.

— Я этого не знала.

— Откуда тебе знать... — Немного помолчав, Савельев продолжил: — Разумеется, ты можешь отказаться, и я подпишу заявление.

Помедлив секунду, Анна решила его выслушать.

— Сначала объясните.

— Считай, что это моя личная просьба. Если не вмешаться, может случиться беда.

Наконец она догадалась:

— С кем-то из ваших родственников?

— Да. — Савельев поднялся с кресла и, сунув руки в карманы, заходил по кабинету: — Многого рассказать не могу. У меня пристрастное видение ситуации. Если вмешаюсь, то вольно или невольно повлияю на ход следования.

— Понятно. Вам нужна объективность, — кивнула Анна.

— Дело давнее — две тысячи первый год, вполне попадает под нашу юрисдикцию, но доверить его могу только тебе.

— Дайте хотя бы вводную информацию.

— Ну хорошо. — Савельев сел на место, сцепил руки в замок и положил их на стол. — Двадцать лет назад машина моего брата упала с моста в реку. С ним были его жена и дочь.

— Все трое погибли? — спросила Анна.

— Брат потерял сознание и захлебнулся. Жена и дочка выбрались из машины, но в том месте, под мостом, глубоко. Да и вода осенью в Уруте холодная...

— Их нашли?

— Искали, но тела унесло течением. По крайней мере, все так решили.

За последней фразой Савельева крылась какая-то недоговоренность.

Анна осторожно спросила:

— С тех пор что-нибудь изменилось?

— Две недели назад в лесу, недалеко от моста, нашли фрагменты скелета. Останки идентифицировали — оказалось, что они принадлежат жене моего брата.

Услышав это, Анна удивленно вскинула брови:

— Я что-то не понимаю...

— Я тоже, — сказал Савельев. — В следственном отделе Урутина хотят повесить двойное убийство на брата. По принципу — работать неохота, а мертвые сраму не имут. Официальная версия такова: поссорился с женой, застрелил из пистолета ее и дочь, после чего напился и покончил с собой, съехав в реку.

— У меня возникла пара вопросов...

Не дав ей договорить, Савельев посмотрел на часы:

— До поезда — час сорок пять...

— Откуда у вашего брата взялось оружие?

— Он был военным врачом. — Он постучал ногтем по циферблату: — Ты опоздаешь на поезд.

— Хотите сохранить его честное имя?

Полковник помотал головой:

— Нет. Не только... Родители не переживут, если Виктора обвинят в убийстве. Они, слава богу, еще живы.

— Кто едет со мной? — уточнила Анна.

— Доверяю только тебе, — с нажимом повторил Савельев.

Она вздохнула и поднялась со стула.

— Значит, еду одна.

— Командировка уже оформлена, документы у секретаря. Там же контакты моих урутинских родственников. Родителей не тревожь. Если понадобится, лучше поговори с сестрой. — Полковник Савельев встал и протянул Стерховой руку: — Ну, с богом! Я на тебя надеюсь.

Отпуск рухнул в тартарары, и с этим предстояло смириться. Совсем не таким Анна представляла себе апрель.

Дома, закидывая вещи в дорожную сумку, она поймала себя на мысли, что в разговоре шеф во многом лукавил. Вопреки всему сказанному, Савельеву хотелось конкретного результата, которого она гарантировать не могла. В этом заключалась уязвимость и непредсказуемость ее положения.

На вокзал Стерхова приехала за десять минут до отправления поезда и уже шагала по перрону, когда позвонила мать:

— Во сколько ты вернешься домой?

— Я уезжаю в командировку.

— Куда на это раз?

— Город Урутин.

— Не надоело тебе мотаться? — вздохнула мать.

— Нет, не надоело.

— Живешь, как старый холостяк: белье не поглажено, холодильник пустой.

— Ты сейчас у меня? — догадалась Анна.

— Да вот, заехала. Должны же мы хоть иногда видеться?

Дойдя до вагона, Стерхова поняла, что мать позвонила не просто так.

— Что у тебя стряслось?

Ответ матери был уклончивым и не предполагал дальнейшего разговора:

— Вернешься, поговорим.

— Не увиливай!

— Звонил твой муж.

— Бывший, — коротко уточнила Анна. — Зачем?

— Просил, чтобы я поговорила с тобой.

— А почему он мне не позвонил?

— У тебя невыносимый характер.

— Что ему нужно?

— Иван предлагает тебе работу в своем Управлении и хочет, чтобы я на тебя повлияла.

— У меня уже есть работа, другая мне не нужна. — Анна порылась в сумочке, достала билет и протянула его проводнице. — Ну все, мама, я захожу в вагон. Завтра перезвоню.

— Что передать Ивану?! — поспешно спросила мать.

— В следующий раз пусть звонит мне.

Держа перед собой дорожную сумку, Анна прошагала по коридору, открыла дверь и только тогда сообразила, что это вагон класса «люкс». В купе уже сидела попутчица, эффектная брюнетка, лет сорока с небольшим, со свежим маникюром и выразительным бюстом. На ней красовались шлепанцы с опушкой и кружевная пижама.

Стерхова протолкнула сумку в купе и вошла сама. В ту же секунду вагон тронулся с места.

— Вы до конца? — поинтересовалась попутчица.

— Что, простите? — не расслышала Анна.

— Едете до Энска или сойдете раньше?

— Еду в Энск.

— Хорошо, что ночью не сходите, получится выспаться. Надеюсь, вы не храпите?

— Этого пообещать не могу.

— Меня зовут Ангелина, — представилась попутчица.

— А меня — Анна, — сказала Стерхова, решив, что лучшего имени для этой фифочки не найти. И, определив ее в категорию богатеньких жен, подумала: *«Надо бы пораньше улечься спать. Такая пристанет с разговорами — потом не отвяжешься»*.

Она сходила к проводникам и попросила две чашки чаю, решив, что, если Ангелина откажется, она сама выпьет обе. Но Ангелина не отказалась и, в свою очередь, угостила ее домашними бутербродами. После этого мнение о ней переменилось в лучшую сторону.

«Милая, домашняя женщина», — растрогалась Анна, потому что сама такой не была.

За чаем попутчицы обсудили хорошую погоду и столичную суету, которую Ангелина категорически не любила, считая себя замшелой провинциалкой. Между делом она ответила на звонок, сообщив мужу, что едет домой.

Ничто не предвещало сюрпризов, но второй звонок, поступивший на телефон попутчицы, привел Анну в замешательство.

Взглянув на экран, Ангелина переменялась в лице и сдержанно ответила:

— Слушаю, Геннадий Михайлович... — Чуть помолчав, она жестко заметила: — Об этом нужно было позаботиться вчера, а не когда жареный петух в задницу клюнул.

Весь день я провела в министерстве в компании двух министров и четырех генералов армии. Могла бы решить этот вопрос.

Стерхова притихла. Ангелина тем временем продолжила кого-то отчитывать:

— Я доложила министру, что проектная документация по системе управления зенитно-ракетной бригадой нами утверждена и доработок не требует. Обратного хода нет! — Сверкнув глазами, Ангелина сдавленно проронила: — Приеду — поговорим.

Она отложила трубку и улыбнулась:

— Это по работе. На чем мы остановились?

— На зенитно-ракетных установках, — бездумно ляпнула Анна.

Ангелина ненадолго задумалась и потом кивнула:

— Я поняла, вы пошутили... — Но тем не менее приоткрыла дверь, словно оставляя отходные пути.

— Глупая шутка, простите. — Стерхова достала служебное удостоверение и, раскрыв его, предъявила. — Вам нечего опасаться, я не представляю угрозы.

Попутчица глянула в документ и недоверчиво уточнила:

— Вы подполковник?

— Следователь, заместитель начальника отдела по раскрытию преступлений прошлых лет, — представилась Анна. — Направлена в командировку в Урутин.

— Милый городок, в семнадцати километрах от Энска, практически пригород, — заметила Ангелина.

— Насколько я понимаю, ваше звание выше?

— Я — генерал-майор. Звание получила вместе с должностью директора Энского радиозавода. До этого работала там же заместителем по финансам.

— Вы меня удивили, — призналась Анна.

С этого момента их разговор оживился, нашлось много общих тем, помимо погоды и московской суеты.

В десять часов вечера к ним заглянула конопатая проводница:

— Чашечки пустые, позвольте... — И, прежде чем уйти, она поинтересовалась у Ангелины: — Устроились хорошо? Здесь вам лучше?

Та сдержанно кивнула:

— Вполне.

Спать улеглись уже за полночь, договорившись, что утром, по приезде в Энск, личный водитель Ангелины отвезет Анну в Урутин.

ГЛАВА 2

В ОБЩИХ ЧЕРТАХ

В каждом городе есть нечто особенное, на что в первую очередь обращаешь внимание. В Урутине это была река, не слишком широкая, но достаточно полноводная. Она разделяла город на две равные части — старую и новую (так объяснил водитель Ангелины Сергей). Старая часть города состояла из невысоких добротных

«сталинок». Новая была такой же невыразительной, как и в других провинциальных городах, где существует тяга к многоэтажной застройке. В целом город Урутин не вызвал никаких эмоций, а вот река Урут была хороша.

Урутинский следственный отдел располагался рядом с полицией в типовом двухэтажном здании детского сада. Вопреки сложившейся практике, дежурного офицера при входе не было. По-видимому, в городке, где много военных, никто и мысли не допускал, что кто-то из горожан ворвется в следственный отдел и совершит преступление.

В коридоре Стерхова повстречала сотрудницу в звании капитана юстиции и спросила:

— Где тут у вас приемная?

Женщина окинула Анну пристальным взглядом, словно прикидывая, стоит ли ей отвечать, а потом уточнила:

— Вам зачем?

— Отметить командировочное.

Высокомерие в голосе капитанши сменилось на любопытство:

— Документики предъявите.

— Пожалуйста. — Стерхова протянула удостоверение. Взглянув на него, женщина проронила:

— Следуйте за мной.

Войдя в приемную, она обратилась к секретарше, которая стучала по клавиатуре компьютера:

— Кристина, к нам командировочная.

Девушка отвлеклась и посмотрела на Анну:

— Вы из Москвы? Как ваша фамилия?

— Стерхова.

— В гостиницу заселились?

— Я не знаю, где здесь гостиница, — с явным раздражением ответила Анна. — Давайте сделаем так: сейчас вы представите меня руководству и организуете рабочее место. В гостиницу я заселюсь в конце рабочего дня.

Секретарша отъехала от компьютера в кресле и протянула руку:

— Давайте командировочное.

— Оформляйте, а я загляну к начальнику. — Стерхова отдала документы и направилась к двери кабинета, но когда она взялась за ручку, обе женщины разом вскрикнули:

— Демина нет!

Она замерла и, обернувшись, спросила:

— Когда он будет?

— Пока неизвестно, — ответила секретарша. — Валерий Иванович на излечении в госпитале.

— Что-нибудь серьезное? — нахмурилась Анна.

— Реабилитация после травмы.

— Кто его замещает?

— Олег Петрович Домрацкий, — опередив Кристину, вставила капитанша.

— Он где сейчас?

— В своем кабинете.

— Ведите меня туда!

Стерхова двинулась к выходу, однако никуда идти не пришлось — дверь отворилась, и в приемной появился рослый светловолосый майор.

— Здравствуйте! — Он весело оглядел присутствующих и остановил взгляд на Стерховой: — Вы ко мне?

— Если вы Домрацкий, то к вам.

— Олег Петрович, — старательно зачастила Кристина. — Это — Стерхова, командировочная из Москвы.

Домрацкий широко распахнул дверь кабинета и пригласил ее:

— Заходите! — Потом, пропустив Анну, приказал капитанше: — Ирина Ивановна, вы тоже.

Войдя в кабинет, Домрацкий не сел в кресло начальника, а устроился рядом со Стерховой за столом совещаний.

— Мы знали, что вы приедете.

— Неудивительно, — спокойно ответила Анна. — Вам должны были сообщить.

— Будете заниматься делом Савельевых?

Услышав это, Стерхова и бровью не повела, только заметила:

— Об этом вряд ли написали из канцелярии.

— Вы правы, — согласился Домрацкий.

— Откуда такие сведения?

— Не первый день на свете живем, дорогая Анна Сергеевна. Когда идентифицировали останки Савельевой, начальник отдела Демин так и сказал: «Ждем гостей из Москвы».

— Считайте, что дождались, — так же прямо сказала Анна.

Домрацкий вел себя естественно, не заискивая и не стараясь понравиться, однако в его наружности и манерах была какая-то притягательность, располагавшая к нему людей, особенно женщин.

— Знакомьтесь. — Майор указал на капитаншу: — Следователь Шкарбун расследует дело Савельевых. Насколько я понимаю, теперь ведущая роль перейдет к вам, но помощь лишней не будет.

— Значит ли это, что Шкарбун переходит в мое распоряжение?

Чуть подумав, Домрацкий выразил мысль яснее:

— Помимо выполнения своей непосредственной работы, она также будет помогать вам.

— Тогда попрошу распорядиться относительно кабинета, — сказала Стерхова.

— А чем не подходит кабинет Ирины Ивановны?

— Я просто его не видела.

Шкарбун приподнялась со стула и взглянула на Домрацкого, ожидая от него дальнейших распоряжений, а потом перевела взгляд на Стерхову:

— Идемте, я покажу.

Домрацкий тоже встал и сопровождал их напутствием:

— Всегда рад помочь, если потребуется!

Кабинет Шкарбун располагался на втором этаже. Войдя туда, Стерхова подошла к окну, увидела заброшенный двор с фонтаном и щербатой верандой.

— Обычно в городах не хватает детских садов. А в Урутинке, я вижу, не хватает детей...

— Рождаемость падает. — Шкарбун подтащила стул и приставила к пустому столу: — Вот свободное место. Если нравится, занимайте.

Потратив несколько минут на то, чтобы снять жакет и распределить по ящикам свои вещи, Анна распорядилась:

— Нужны следственные материалы по делу Савельевых, а также все, что есть по останкам.

Ирина Ивановна отомкнула сейф, достала из него две нетолстые папки и положила перед Стерховой.

— Вот!

Та указала на стул:

— Присядьте, пожалуйста.

— Могу. — Шкарбун нехотя села.

Ей было около тридцати, в лице, особенно во взгляде, сквозило беспредметное недовольство. Это старило Ирину Ивановну и портило ее довольно приятную внешность: холеное лицо, яркие губы и голубые, слегка навывкате глаза.

— Расскажите мне все, что знаете по этим делам, — попросила Анна.

— Их объединили в одно производство, — проговорила Шкарбун. — Когда нашли останки Савельевой, сразу объединили.

— Кто сдавал биологический материал для сравнительного анализа ДНК?

— Мать Юлии Савельевой, еще до своей смерти.

— Поясните.

— После падения машины в реке искали тела. Мать Савельевой сдала биологический материал для идентификации. Потом она умерла, но профиль ДНК сохранили. Когда нашли фрагменты скелета и провели экспертизу, данные прогнали по базе и обнаружили соответствие.

— Процент совпадения высокий?

— Девяносто девять и шесть десятых. Нет никаких сомнений — кости принадлежат Юлии Савельевой, — отрубил Ирина Ивановна.

Было видно, что Шкарбун считала Анну помехой, ведь дело — яснее ясного: кто еще мог убить Савельеву, кроме ее мужа?

Стерхова положила перед собой блокнот и приготовила ручку.

— Где были найдены останки?

— В лесу, недалеко от моста, с которого упала машина Савельевых.

— Кто их обнаружил?

— Два подростка гуляли по лесу с собакой, и та нашла кость. В следственных материалах есть фотографии.

— Я посмотрю их позже, — сказала Анна. — Пока рассказывайте.

— Подробно?

— Насколько это возможно.

— Берцовая кость торчала из-под земли под углом примерно в тридцать градусов. Подростки копнули ря-

дом, обнаружили сгнившую одежду и позвонили в полицию.

— Останки дочери Савельевых тоже опознаны?

— С этим пока неясно. Все дело в том, что кости растащили животные, они были разбросаны по лесу, и многих не хватает. Но вероятность того, что мать и дочь были закопаны рядом, велика. Во всяком случае, эксперты работают с костями. По результатам следующих экспертиз все будет ясно.

— Значит, Савельеву опознали случайно? — Стерхова что-то записала в блокнот. — Если бы не профиль ДНК ее матери, сохраненный в базе, никто не догадался бы, что это она?

Шкарбун тряхнула головой:

— Скорее всего — да.

— Теперь поговорим о том, как погиб Виктор Савельев, — сказала Анна.

— А что о нем говорить... — заметила Ирина Ивановна. — Напился и съехал в реку.

Но Стерхова продолжала:

— Определимся со временем. В котором часу машина упала в реку?

— В деле фигурирует ориентировочное время — шесть часов утра.

— Почему ориентировочное? Свидетелей не было?

Ирина Ивановна делано рассмеялась:

— В такой-то глуши?

— Откуда и куда они ехали?

— Из загородного дома родителей к себе домой в Урутин. Савельеву предстояло заступить на дежурство в госпитале.

— А теперь вкратце: что, по вашему мнению, случилось в дороге?

— Ясное дело — конфликт. Знаете, как бывает: слово за слово... Говорят, Савельев сильно ревновал жену. Днем раньше, в доме родителей, у них вышла ссора.

— Есть свидетели?

— Смотрите в показаниях матери Савельева.

— Она назвала причину?

— Только упомянула о ссоре.

— И все-таки... — задумчиво проронила Анна. — Шесть часов утра — не рановато ли выяснять отношения?

— Что тут думать! — возмутилась Шкарбун. — Прочтите отчет судмедэксперта. Савельев был в стельку пьян!

— Я прочитаю... — пообещала ей Стерхова, после чего уточнила: — Шесть часов — и он уже в стельку?

— А может, еще или с утра на старые дрожжи.

— Тогда как родители позволили ему сесть за руль? Они что, не видели?

— В свидетельских показаниях сказано: из дома Савельев выехал трезвым. Но я этому не верю. Скорее всего, родители врут.

— Савельев злоупотреблял алкоголем?

— В характеристике с работы об этом ни слова.

— Ну а знакомые? Что говорят они? Их, я надеюсь, опрашивали?

— Кажется, да... — Ирина Ивановна опустила глаза. — Я видела какие-то показания, но особо не вчитывалась.

— В котором часу машина Савельевых уехала из дома родителей? — спросила Анна.

— В пять двадцать пять.

— Каково расстояние от дома до моста?

— Тридцать километров.

Анна встала и, сделав круг по комнате, подошла к окну.

— Полчаса езды, еще надо было поругаться, пострелять и закопать трупы в лесу. На все про все у главы семейства ушло бы не меньше часа.

— Когда следователь двадцать лет назад рассчитывал примерное время катастрофы, он полагал, что в машине было три человека. Теперь-то мы знаем, что Савельев был один, и можем накинуть полчаса.

— Скажите, откуда взялась версия, что Виктор Савельев застрелил дочь и жену? — спросила Стерхова.

— Да загляните же наконец в материалы дела! — прикрикнула Шкарбун, и Анна поняла, как много усилий придется приложить, чтобы с ней сработаться.

Она вернулась за стол и записала время в блокноте. Потом, выдержав паузу, бесстрастно проговорила:

— Я загляну в материалы дела. Но после того, как вы ответите на мои вопросы.

— Чтобы вы знали: когда подняли машину из реки, в ногах у Савельева лежал восьмизарядный пистолет

Макарова — его личное оружие, в котором не хватало пяти зарядов.

— Пули нашли?

— Где? — уточнила Ирина Ивановна.

— Например, в могиле Савельевой.

— Нет. Там ничего не было. Зверье растащило с кусками плоти. Какой-нибудь волчара об эти пули зуб обломал.

— Что показала экспертиза оружия?

— «Предположительно, стреляли недавно». Что еще можно сказать, когда машина и, соответственно, пистолет пролежали на дне реки больше суток?

— Почему так долго?

— Пока обнаружили, пока подогнали спецтехнику... Короче, что говорить? Сами знаете, как это обычно бывает.

— Ну хорошо, давайте отмотаем назад. — Стерхова подняла глаза и посмотрела на Ирину Ивановну. — За сутки через мост прошло немало машин. Неужели никто не сообщил в полицию о сломанном ограждении или машине, которая лежала на дне?

— Во-первых, в то время это была милиция... — нравоучительно изрекла Шкарбун, но Анна ее одернула:

— Давайте поближе к делу.

— Дорога, ведущая к мосту, гравийная, по ней и в те времена мало кто ездил. Машину с моста было не разглядеть, да и кто бы остановился?

— У вас имеется подробная карта района? — спросила Анна.

— Где-то была... — Шкарбун неуверенно огляделась. —
Поискать?

— Не надо. Лучше посмотреть в интернете.

Ирина Ивановна подошла к своему компьютеру и открыла интерактивную карту:

— Готово!

Приблизившись, Анна склонилась над монитором:

— Ага... Вижу Энск, вижу Урутин. А где родительский дом Савельевых?

— В Заварзино.

— Это деревня?

— Дачный поселок. Вот он. Видите?

Анна попросила:

— Пожалуйста, увеличьте.

Шкарбун увеличила и прочертила пальцем линию на экране:

— Автомобиль ехал так... Вот мост через реку Урут...
С этого моста он и упал.

— В каком месте обнаружили останки Савельевой?

— Здесь нашли череп, берцовую кость и одежду. —
Шкарбун очертила круг поверх лесного массива. — А на этой площади, россыпью, нашли остальное.

— Пойдите... — сказала Анна. — Савельевы ехали с левого берега на правый. Останки нашли на правом. Верно?

— Верно.

— По-вашему, выходит, что Савельев переехал мост, расстрелял семью, а потом вернулся, чтобы съехать в реку?

— Думаю, так и было.

Помолчав, Стерхова заглянула в блокнот и потом спросила:

— Далеко отсюда улица Оружейная?

— В старом городе.

— Можете организовать для меня машину?

— Сейчас попробую! — Шкарбун тут же встала и направилась к двери.

Анна тем временем набрала номер и спустя мгновение заговорила в трубку:

— Моя фамилия Стерхова, я из Москвы, работаю с вашим братом...

ГЛАВА 3

СЕСТРА САВЕЛЬЕВА

В квартире на Оружейной царил мягкий сумрак, возможно, из-за того, что здесь было много старинной мебели и повсюду висели шторы, даже в дверных проемах.

Марина, сестра Савельева, сидела напротив Стерховой, за столом, накрытым тяжелой бархатной скатертью. Это была некрасивая, блеклая женщина, на которую никто не обернется на улице. Рыхлая, среднего роста, в безвкусном платье, которое она к тому же не умела носить.

— Был дождь... — Марина закрыла глаза и, выдержав паузу, продолжила: — В то утро шел дождь.

— Дожди в сентябре не редкость, — сказала Анна.

— Юля и Виктор проснулись в пять... Нет, Юля проснулась раньше, она собирала вещи и готовила завтрак. Помнится, я тоже вышла на кухню. На улице было еще темно.

— Марина Алексеевна...

— Просто Марина.

— В каком состоянии брат выехал из дома?

— В каком смысле?

— Виктор был пьян?

— Ах это... — Марина горестно усмехнулась. — Не знаю, откуда взялась эта чушь.

— В деле есть результат экспертизы.

— Виктор никогда бы не сел за руль пьяным. Он хирург! Понимаете? На тот день у него была назначена сложнейшая операция.

Анна слушала, и ее не покидало ощущение стороннего наблюдателя, который тестировал информацию и одновременно давал ей оценки. В каком-то смысле это было безнравственным, и она поделилась:

— Я сознательно отложила знакомство с материалами, чтобы сначала выслушать вас. Мне необходимо составить общее впечатление и только потом углубляться в детали.

— Понимаю.

— Тогда попрошу вас быть откровенной.

— Излишне об этом напоминать, — сдержанно проронила Марина. — Я готова отвечать на любые ваши вопросы.

— Что за скандал случился у Виктора с женой за день до их гибели?

— Скандал?.. — Марина рассеянно огляделась. — Даже не вспомню.

— Они часто ссорились?

— Всякое бывало, как у всех.

— Из-за чего чаще всего?

— У Юлии была небольшая интрижка на стороне. Виктор догадывался и срывался на нее.

— Это предположение или интрижка определенно была? — уточнила Анна.

— Ну как интрижка... Скорее служебный роман.

— С кем?

Марина неуютно поежилась.

— Мне бы не хотелось...

— Вы обещали... — напомнила Анна.

— Она работала в воинской части бухгалтершей, там познакомилась с офицером из финансовой службы. Ну и закрутилось...

— Как зовут того офицера?

— Фамилия — Воронцов. Имени и отчества я не помню. Он был намного старше ее.

— Намного — это на сколько?

— Лет на пятнадцать.

— Значит, сейчас ему должно быть под шестьдесят?

— Ну где-то так, — подтвердила Марина. — Когда Юля бросила Воронцова, он стал преследовать ее.

— Откуда вы это знаете?

- Она сама мне рассказывала. Мы с ней дружили.
- Ваш брат знал об измене?
- Скорее всего, только догадывался. Мужья, как известно, о таком узнают последними.
- Мог Виктор убить из-за ревности дочь и жену?
- Нет. — Марина замерла, словно перепроверяя себя, и решительно повторила: — Нет, никогда!
- Потому что он ваш брат?
- Потому что Виктор был разумным, добрым и цивилизованным человеком.
- А если бы он был пьян?
- Марина покачала головой:
- В это я никогда не поверю.
- Если бы Юлия не изменяла, их брак считался бы удачным? — спросила Анна.
- Уверена — да.
- Виктор любил свою дочь?
- Безумно. — Марина грустно улыбнулась и повторила: — Безумно!
- Значит, за руль Виктор сел трезвым?
- За день до этого они с отцом выпили по бутылке пива, только и всего.
- А утром Виктор не мог добавить?
- Мы с мамой вышли их провожать. Прощаясь, обнялись, и я не почувствовала ни малейшего запаха алкоголя.
- Стерхова опустила голову:
- У вас очень душно.

Марина встала из-за стола и приоткрыла окно.

— Они уехали утром, а вечером я позвонила им на городской телефон, но мне никто не ответил.

— Как насчет мобильных?

— Ни у Виктора, ни у Юли их не было.

— Ясно.

— Тем же вечером мы с папой сели в машину и отправились в Урутин. Ехали по трассе и смотрели по сторонам: вдруг на обочине или в лесу заметим машину?

— Машины там не оказалось, — подытожила Анна. — Что в Урутине?

— В квартире брата никого не было, и мы поехали в госпиталь. Нам сказали, что Виктор не заступил на дежурство. Не возражаете, если я закурю? — Марина подошла к старинному буфету, открыла витражную створку и достала пачку сигарет. Она щелкнула зажигалкой, прикурила и, обернувшись, спросила: — Вы не хотите?

— Я не курю, — ответила Анна и, не делая паузы, продолжила: — Когда вы поняли, что случилась беда?

— В доме у родителей, когда не смогла дозвониться.

— А когда обратились в полицию?

— Тем же вечером. Заявление у нас, конечно, не приняли — велели ждать трое суток. Но я своего добилась.

— Вы меня удивили, — заметила Стерхова. — И что же вы сделали?

— Написала заявление об угоне автомобиля.

— Что-то не понимаю...

— Сейчас объясню. — Марина взяла пепельницу и возвратилась к окну. Затянулась, выдохнула, и дым ее сигареты запутался в складках тюля. Потом снова заговорила: — Тем утром машина Виктора почему-то не завелась, и я одолжила ему свою.

— Сколько лет вам было в ту пору? — спросила Анна.

— Девятнадцать. Машину, подержанный «жигуленок», мне подарил отец.

— Значит, семья брата уехала на вашей машине?

— Совершенно верно. Именно это позволило написать заявление об угоне и заставить милицию действовать.

— Ага... — Стерхова одобрительно качнула головой. — Очень хороший ход. И что из этого вышло?

— В дежурной части нам сообщили, что патрульные экипажи начали поиск.

— Не думаю, что это оказалось решающим, — заметила Анна.

— Вы правы, — согласилась Марина. — Машину никогда бы не нашли, если бы не отец. Утром он позвонил командиру воинской части, и тот поднял в воздух вертолет. С высоты члены экипажа заметили под водой машину, сразу вызвали гаишников и сообщили в милицию. Те организовали подъем, но внутри машины был только брат. Юли и Танечки там не оказалось.

— Вы присутствовали при подъеме автомобиля?

— Присутствовала, но помню об этом смутно. Отцу стало плохо, и я была с ним.

Стерхова представила себе подвешенный на тросах «жигуль», из которого льется вода, а на переднем сиденье, привалившись к рулю, сидит утонувший Виктор Савельев.

Она уточнила:

— Брат был пристегнут?

— Кажется, да, — засомневавшись, подтвердила Марина.

Значит, все так и было. Впрочем, ни тогда, ни теперь это не имело значения. Как бы ни выглядел Савельев, он был уже мертв.

— Я изучила карту, — сказала Стерхова. — Урутин и Заварино связаны автотрассой. Почему ваш брат свернул на гравийку?

— Возможно, потому, что так было ближе. Нас с отцом это тоже удивило — на гравийной дороге можно разбить ветровое стекло. Проедет встречная машина, и вот он, камушек. А Виктор был ответственным человеком.

— Иногда прилетает от попуток, — сказала Анна. — Мог свернуть, если опаздывал.

— Брат не опаздывал, он выехал заранее, — твердо проговорила Марина и вдруг отвернулась.

По тому, как вздрогнули ее плечи, Анна поняла, что она заплакала.

— Вас приглашали для опознания одежды вашей невестки?

Марина затушила сигарету и вернулась за стол.

— Да, и я все опознала. Трикотажную кофточку мама подарила Юле на день рождения. Что касается детского рюкзака...

— Простите?.. — перебила Стерхова. — Вы сказали: детский рюкзак? Он принадлежал вашей племяннице?

— Я сама купила его на распродаже для Танечки.

Настенные часы начали бить время, и они замолчали. Дождавшись последнего, седьмого удара, Анна сказала:

— Мне нужно встретиться с вашими родителями.

Марина замотала головой и, словно поддавшись панике, вскрикнула:

— Отец болен, и маме не до этого! Я все рассказала.

— Вы же понимаете, что рано или поздно это случится, — сказала Анна, и Марина прошептала одними губами:

— Пусть лучше поздно...

Выйдя из подъезда, Стерхова обвела взглядом двор, поросший низкими деревцами, и не увидела ни людей, ни машин. Она обогнула дом и вышла на улицу Оружейную. Не обнаружив полицейского «уазика», который привез ее сюда, Анна стала ловить такси.

Спустя минуту, рядом с ней затормозил тот самый «уазик». Водитель перегнулся через сиденье и распахнул скрипящую дверцу:

— Прошу прощения! Долго ждали?

— Да нет. Ничего. — Стерхова залезла в машину и на автомате спросила: — Что-нибудь случилось?

— По-быстрому смотался в отдел, забрал у секретарши ключи. — Водитель тронул машину с места. — Ваша дорожная сумка лежит в багажнике.

— Зачем вы забрали ее из кабинета?

— Не я, — ответил водитель. — Следователь Шкарбун принесла.

— И что это значит?

— Домрацкий приказал, чтобы я отвез вас на служебную квартиру. — Он весело оглянулся: — Считайте, что повезло! Туда заселяют замминистров и генералов.

— Я — подполковник... — устало проронила она. — А как же гостиница?

— Гостиница в Урутине — дрянь, находится на окраине у автовокзала. Вам не понравится. А квартира — рядом с отделом.

Вздохнув, Стерхова откинулась в кресле:

— Квартира, значит, квартира.

Они подъехали к многоэтажному дому, водитель проводил ее до порога, сам отомкнул дверь и вручил ключи:

— Желаю хорошего отдыха!

— Спасибо, — сказала Анна, вошла в квартиру и хлопнула дверь.

Для начала она обошла комнаты. Помимо гостиной и кабинета, здесь было две спальни. В ванной стояла джакузи, что тут же натолкнуло на мысль о сомнительной репутации квартиры.

Вечером, перед сном, ей позвонила мать:

— Устроилась? Гостиница неплохая?

— Меня поселили в квартире, — сказала Анна.

— Ты одна?

— Конечно.

— Не нравится мне все это... В гостинице безопасней. Там администратор и горничные.

— Можешь не волноваться. В случае чего я сумею за себя постоять.

— Сплюнь три раза и не говори ерунды! — воскликнула мать и тут же осведомилась: — Звонила Николаю Клейменову?

Вопрос матери поставил Анну в тупик:

— Зачем?

— Отпуск отменился, значит, вы не увидите. Надо предупредить человека.

— Ну вот скажи мне, мама: откуда ты все знаешь?!

— Когда ты собралась поехать в Придивный, я сразу все поняла.

— Ну хорошо, я позвоню ему, — сказала Анна, однако, закончив разговор, отложила звонок на потом.

ГЛАВА 4

СТЕРХОВА ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЛОМ

Второй день пребывания в Урутине Стерхова посвятила изучению следственных материалов. Порядок выяснения обстоятельств был импровизацией, но, по ее

убеждению, вполне подходил для расследования такого запутанного дела.

Рабочий день в уругинском следственном отделе начинался не в девять, как в Москве, а в восемь часов утра, потому что в провинции не было метро или автомобильных пробок.

В семь пятьдесят Стерхова стояла у двери кабинета, из-за которой доносился голос Шкарбун:

— Ну да... Обычная московская стерва, лет тридцати пяти. Внешность? Высокая, темненькая. Фигура? Ну так себе, ничего особенного... Хорошая, говорю! Тебе легко рассуждать, Лара, а мне хоть из кабинета беги!

Анна толкнула дверь и вошла в кабинет.

— Здравствуйте, Ирина Ивановна.

— Здравствуйте... — Шкарбун по-быстрому свернула разговор и бросила трубку. — Все материалы по Савельевым я убрала в сейф. Вам достать?

— Да, пожалуйста. И вот еще что... — Анна вырвала из блокнота листок, черкнула несколько строк и положила на край стола: — Нужно разыскать одного человека. Фамилия — Воронцов, имя и отчество неизвестны. Бывший военный за пятьдесят. Двадцать лет назад проживал в Уругине.

Шкарбун положила на стол две вчерашние папки и нехотя забрала листок.

— Это срочно?

— А в чем проблема?

— У меня и так много работы.

— Сначала найдите Воронцова, — отчетливо проронила Стерхова.

— Вы мне не начальник, а я вам не подчиненный. И я не обязана все бросать и выполнять ваши поручения, — проговорила Шкарбун и с вызовом положила листок на место.

Анна сняла жакет, повесила на стул и не спеша обернулась:

— Все — это что?

— Я не понимаю...

— Вы заявили, что не намерены все бросать из-за моих поручений. Но судя по тому, что я наблюдаю, вам нечего бросать, кроме сплетен по телефону.

Ирина Ивановна залилась румянцем, села за стол и сделала вид, что углубилась в изучение документов.

— На поиски Воронцова даю два дня, — напомнила Стерхова. — Когда найдете, немедленно доложите.

— А вы всегда себя так ведете на новом месте? — Отбросив самолюбие, Шкарбун встала с кресла и забрала листок.

Анна равнодушно осведомилась:

— Как?

— Бросаете вызов коллективу.

— Не стоит обобщать. Вы — не коллектив, а я лишена выбора, приходится работать с вами.

— Не имеете права оскорблять... — Не договорив, Ирина Ивановна выскочила из кабинета и хлопнула дверью. Из коридора донеслись ее шаги и первая фраза